

Дневник матери

Этот текст написан ровно 20 лет тому назад. Пожелтевшие листочки, кое-где зачириканные детскими каракулями, местами – со следами слёз. Те, кто узнают автора этих строк, знают и дальнейшую судьбу встревоженной молодой мамы и девочки. А тогда каждый день воспринимался ими как чудо, будущее было туманным, настоящее пропитано запахом лекарств. Они ходили в Спасо-Парголовский храм, учились верить и надеяться. Это было. Это подлинный документ времени и души.

Готовимся к Пасхе. Сегодня красили яйца. Ходили с Дашенькой в храм. Она причастилась. У меня тоже была большая радость – я стояла в Никольском приделе и наливала запивку после причастия. Дашенька немного не здорова, но, Бог даст, всё обойдётся. Суббота – самый любимый мой день! Нынче уже наша пятая Пасха! Она уже ошутима, зрима, это не просто календарный день, это праздник в душе и природе. Вечер Прощеного воскресенья воспринимаю как опускающуюся завесу. Трагическая радость прощения. Ни в какой другой день не бывает в храме столько слёз. Милые детские незащищённые лица взрослых... Плачем, родимые, плачем. И вот падает завеса. Позади наши глупые споры, лень, излишества. Впереди – пост. Пусть он будет самый-самый...

...И вот – Великая Суббота. Пасха набухает как почка. Ещё чуть-чуть, только один знак, только колокольный звон, и всё изменится, радость затаилась пока, но она скоро хлынет через край, голоса наши сольются: «Воскресение Твое, Христе Спасе...»

В первую свою Пасху я прибилась к самому алтарю, и пока читали Деяния апостолов, я, как молодая лошадь, приотпывала ногой от нетерпения.

А нынче – такой славный день – столы с куличами, разноцветными яйцами, кто в корзиночке принёс, кто в салфеточке. Поднимаю Дашеньку над столом: «Смотри, какая красота, это живое творчество твоего народа...». Подул ветер. От свечки загорелась салфетка. Всеобщий переполох. Потушили. Вот и отец Михаил. Все расступились. Батюшка идёт неспешно, красивый, чинный, освящает приношения, брызгает водой на детей, смех, радость...

Костя Слепинин дарит Даше синее яичко.

Вечером хочу идти в храм, но Дарьюшкино состояние меня беспокоит.

– Мамочка, ты меня разбудишь, когда уже можно будет съесть яичко? Я сама, я никого не потревожу, пойду на кухню и съем...

Все ушли на службу. Бужу Дашу, мы христосуемся с ней и, помолвившись, едим творожную пасху и яичко.

– Ничего, детка, не грусти, мы зато на Чин христосования пойдём...

...Даша начала покашливать. Пытаюсь убедить себя, что это ерунда,

все детки болеют, но отчего-то тревожно сжимается сердце. Решили пока из дома не выходить. Ничего, у нас ещё вся Светлая неделя впереди. Мы будем каждый день ходить на крестный ход. Обычно мы стоим у берёзы напротив входа в храм. Нынче я уже не буду поднимать Дашу на руки, пусть стоит как большая. Мы будем смотреть, как толпа потечёт вверх, в храм, бесконечная река людей вслед за хоругвями, вверх к спасению, как в райские двери... Колокол звонит, дух захватывает, стою у берёзы, всегда плачу. Вот так и пойдут они, родимые, в вечную жизнь, а я буду стоять в стороне и плакать...

...Перед сном Даша долго не отпускает меня. Мы уже зажгли лампадку.

– Мамочка, я сегодня во сне видела лестницу, иду по ней вверх, а там вверху очень светло и детки меня встречают. Я их спрашиваю – что это? А они все отвечают: «Рай, рай!»

– Ты одна шла по лестнице?

– Нет. И ты шла. Как же я без мамочки?

– Ты это точно видела? Не придумала?

– Да, мамочка, про тебя придумала. Я одна шла.

Крещу свою девочку, она долго не отпускает мою руку. Отчего-то в голову лезет мысль, что мы прощаемся надолго, что завтра всё будет иначе. И эта комната, и это лампада пропадут из глаз. Мне страшно, Господи! Все радуются Пасхе, а я тону в эгоистических страхах... Вынула у Даши из кармана записку: «Христос, спаси меня». Видимо она написала, пока я стояла на службе.

...У Даши очень сильный кашель. Вызвали врача из поликлиники. Она сказала: «Вам надо почистить карму. Это очень дорого, но я смогу договориться подешевле...» Что за бред!

...Кашель стал непрерывным. Даша задыхается...

Вызвали «скорую». Ингаляции, капли в нос, укол. Ждём результата. Врач говорит: «Собирайтесь, а то не успею». У меня руки трясутся. Не могу сообразить, что взять с собой в больницу. Дашенька, уже одетая, стоит в прихожей и прижимает к себе икону Воскресения Христова: «Я готова».

Милая моя девочка, вот бы и мне быть готовой, как ты.

...Едем в «скорой». Даша спрашивает врача: «А церковь там есть? Я не поеду, если нет», – говорит она осипшим голосом, с трудом выталкивая звуки. Врач смотрит удивлённо.

Я хожу в храм мало – всего шестую часть своей жизни. Всего пять лет. Даша ходит в храм всю жизнь, все пять лет...

...Ночью не спали совсем. Кашель непрерывный. Перепробовали все ингаляции. Только хуже. Все в напряжении. Нехарактерная картина болезни. Начали колоть антибиотики. Колот всё подряд! Девочка задыхается...

...Вторая ночь. Даже не прилегли. Ношу свою дочку на руках. Мы очень мешаем всем в больнице. Страшный лающий кашель. Поднялась температура. Соседи вызвали дежурного врача, он сделал успокоительный укол, никакого результата: «Желаю вам дожить до утра» – сказал и ушёл. Даша пытается дремать у меня на руках, бредит: «Зачем так, мамочка, зачем так?»

«Да прекрати ты уже кашлять! Детей не уложить!» – сердятся соседи по палате. Даша не слышит, бредит. Наклоняюсь к ней: «Что, детка, что?» Слабый голосок издали: «Воистину Воскресе...»

...Ношу девочку на руках. Дома уже давно не могла поднять, а тут несколько суток без сна и еды, а силы есть, и они не иссякнут, пока ей так плохо. Это наша четвёртая больница...

...Снимок показал двухстороннюю пневмонию, да ещё астма, и, видимо, сильный невроз...

Меняли всё лечение. Горсти таблеток, уколы, капельницы, ингаляции... Я знаю, что дело не в этом. Можно бесконечно менять назначения, можно вообще всё отменить, ничего не изменится, пока не произойдёт нечто.

Это наша постоянная странная болезнь. Это нужно пережить. Если мы переживём и на этот раз. Нужно что-то понять. Должно что-то произойти с душой. Я должна отказаться от образа комфорта, должна принять и эту жизнь, согласиться с ней, снова стать нищей, лёгкой, радоваться каждому мигу и вздоху моей терпеливой девочки, благословить и эти стены, и соседи, и персонал больницы. Отказаться от планов, принять, как волю Божию всё, что с нами происходит...

...Очень плохие анализы. Врач всерьёз говорит о слипании лёгкого. На отделении все шарахаются от нас, уводят детей, боятся коклюша. Я уже охрипла объяснять.

Мы в больнице две недели.

...Очень люблю вечер. Во всех наших больницах это самое лучшее время, когда приживёшься здесь. Мне приходилось спать на полу, под столом, под умывальником. Если повезёт, найдётся пустая детская кроватка. Лягу и смотрю в потолок. Чей-то вздох, а вот и младенец заплакал, а вот кто-то смеётся во сне. Детки, родненькие мои, не болейте!

Днём я ходила к отказникам, они тоже лежат в этой больнице. Я брала их на руки, меняла ползунки. Если мы выберемся из этой череды больниц, я буду любить чужих детей, как своих, никогда не буду на них кричать, буду жалеть и защищать от глупых взрослых...

...Пока моя Дарьюшка дремлет, я ставлю чайник на плиту, включаю кварц. Мы всегда в больнице долгожители. Мы – странники. Вот наши нехитрые пожитки, вот узелок с бельём, вот скудный больничный обед – капуста в воде. Вот икона на тумбочке. А мне так легко-легко, я внутри себя уже знаю, что худшее в этот раз вряд ли случится, и нам нечего терять, а впереди радость и Христос ходит по земле до Вознесения. Господи, я лю-

блю! Не знаю кого и что, а всё это сразу, всё, что происходит с нами. Я знаю, что во всём есть смысл, не всегда постижимый тотчас. И даже что-то плохое хорошо уже тем, что это тоже след Божия присутствия в нашей жизни. И если мы не утратим веры в Его присутствие, мы имеем будущее. Ты, детка, вырастешь большая, и мы будем вместе помогать другим деткам обрести себя, любовь и Бога...

...Всё. На завтра назначили бронхоскопию. Под общим наркозом. Как операцию. Отец Александр Зелененко говорит: «Этого нельзя допустить!» Говорю доктору. Он в ответ: «Я Вас и спрашивать не стану. Если лёгкие надо будет спасать, неужели Вы думаете, что я стану с кем-то советоваться!»

Господи! Не ради дел моих, ибо никакого добра не творю, но ради веры нашей, помилуй нас! Да будет воля Твоя...

...В воскресенье вечером к нам в больницу приехал о. Александр. Так удивительно получилось, что никого из персонала не оказалось ни на вахте, ни на этаже, и он беспрепятственно прошёл до палаты. Даша беспокоилась, хватала мою руку. В ней происходило что-то. Пока батюшка готовился причастить девочку, я села и расплакалась. Я вдруг почувствовала себя защищённой. Слово и на этот раз трудное моё дежурство завершилось и мне дали отпуск на время. Отец Александр принёс такую уверенность в том, что Господь рядом, и начался праздник...

...После причастия Даша кашляла, а потом стала петь. И пела до часа ночи. В час она попросила есть и разом прикончила все наши припасы.

Утром пришёл заведующий отделением и анестезиолог, чтобы готовить девочку к бронхоскопии. Они довольно долго слушали и смотрели Дашу. Потом заведующий сказал: «Ничего не понимаю. Хрипов нет! Антибиотик вдруг подействовал!» Я хотела сказать ему, что единственное действует на нас и на всех людей, но сразу не стала, а приберегла до выписки. Бронхоскопию отменили.

...Нам впервые за месяц разрешили погулять. Уже, оказывается, лето. Мы очень нелепо выглядим в пальто и сапогах. Но это всё не важно. Мы идём в большой старый парк Лесотехнической Академии. Когда я была маленькая, меня в этот парк водила бабушка. Я держу за руку свою девочку, и мы радуемся всему. Как же долго мы болели! Уже лето, невероятно. Мы живы и снова идём, держась за руки.

– Мамочка, смотри, что это?

Даша нашла необыкновенную лохматую шишку.

– Чудо, Дашенька, чудо! Что нам Бог послал!

И Дашенька смеётся каким-то внутренним глубоким смехом. Так смеются только очень счастливые люди.

Июнь 1996 г.

Р.Б. Фотиния

